

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Ивич
**ХУДОЖНИК
МЕХАНИЧЕСКИХ
ДЕЛ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Александр Ивич

Художник механических дел

Издательство «Детская литература»

1958

Ивич А.

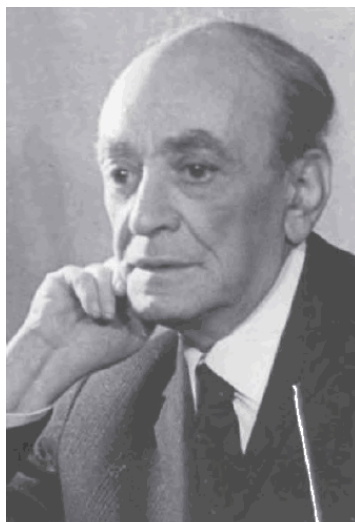
Художник механических дел / А. Ивич — Издательство «Детская литература», 1958 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Повесть о трудной жизни и замечательных изобретениях Ивана Петровича Кулибина, механика Академии наук конца XVIII – начала XIX века. Для среднего школьного возраста.

© Ивич А., 1958
© Издательство «Детская
литература», 1958

Содержание

Жить достойно	6
Кукушка	9
Первый заработок	13
Мастер с Успенского съезда	15
Часы яичной фигуры	17
Труды в сельце Подновье	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1900—1978

Александр Ивич

Художник механических дел

© Богатырева С. И., 1969

© Богатырева С. И., вступительная статья, 2008

© Панов В. П., рисунки, 1969

© Мазурин Г. А., рисунок на переплете, 2008

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Жить достойно

Александр Ивич, написавший эту книгу, родился в 1900 году в городе Хабаровске. Его отец, путейский инженер, работал на строительстве Китайско-Восточной железной дороги, которую прокладывали, чтобы наладить регулярное сообщение между Россией и Китаем. Не всем китайцам нравилось, что в их стране появились чужаки – русские, англичане, немцы. Недовольные подняли восстание (в истории оно известно под именем Боксерского). Они громили посольства, миссии, школы, разрушали всё, созданное иностранцами.

Подверглась нападению и железная дорога, которую строила Россия. Бунтари разобрали часть проложенного пути, стреляли в российских инженеров, рабочих, в их жен и детей. Одним из выстрелов был убит отец будущего писателя. Осиротевшая семья, молодая вдова с двумя сыновьями, девяти летним и новорожденным, кружным путем возвратилась домой, в Петербург. В плетеной тростниковой корзинке в каюте парохода будущий писатель трех месяцев от роду совершил почти кругосветное плавание.

Рос и учился он в Санкт-Петербурге, который был в начале XX века не только столицей Российской империи, но и центром русской культуры, которая переживала в ту пору расцвет, мы называем его Серебряным веком. Окончил гимназию в бурном 1917-м, между Февральской революцией и Октябрьским переворотом, и сразу оказался в самом центре событий: сначала работал помощником коменданта Государственной думы, затем служил в охране Временного правительства и, несмотря на столь важные обязанности, успел сдать выпускные экзамены, даже получил золотую медаль! После Октябрьского переворота нашел дело, связанное уже не с политикой, а с литературой: собирал библиотеки для кораблей Балтийского флота. Посты он занимал и выполнял поручения, казалось бы, не совсем подходящие для семнадцати-восемнадцати лет, но в те годы молодые люди выросли куда быстрее, чем в наши дни.

Вся жизнь его была связана с литературой. Учился он на историко-филологическом факультете Петроградского университета и в Институте истории искусств. Дружил с писателями и поэтами: Михаилом Кузминым, Владиславом Ходасевичем, Михаилом Зощенко, Ольгой Форш, Юрием Тыняновым, Виктором Шкловским. Ему посчастливилось встречаться и беседовать с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Владимиром Маяковским, с замечательными филологами и литературоведами того времени.

В двадцать лет основал издательство, которое просуществовало недолго, но успело подготовить и выпустить в свет несколько замечательных книг, а ближе к тридцати годам сам начал писать. Вот тогда и возникло имя, которое ты видишь на обложке. Надо сказать, в те времена принято было придумывать себе псевдонимы: многие политические деятели, литераторы, художники, актеры так поступали. Из длинного *Игнатий Игнатьевич Бернштейн*, как его звали на самом деле, вычеркнул он почти все буквы, оставил только первую «И» от Игнатия да три последние от отчества, получилось коротко и звонко: Ивич. Так он и стал подписывать

свои сочинения. А имя переменял на «Александр», потому что в семье его с детства называли Саней.

Первая книга Александра Ивича «Приключения изобретений» была адресована школьникам и рассказывала о приключениях, только случившихся не с людьми, а – с изобретениями! Оказывается, у каждого изобретения есть своя жизнь, отличная от жизни его создателя, и жизнь эта полна удивительных событий, то радостных, то трагических: борьба, победы и поражения, разочарования и счастливые неожиданности, долгие ожидания и стремительные взлеты переплетаются в ней.

«Изобретения путешествовали и переживали приключения. Они пробирались сквозь глухие леса и пустынные степи недоверия или насмешек, и часто изобретатели замечательных вещей умирали раньше, чем люди начинали пользоваться их изобретениями. <...> Иногда замечательное изобретение казалось людям не стоящим внимания пустяком. Иногда и сам изобретатель не понимал, что он сделал великое открытие», – сказано в предисловии к этой книге. Большой успех выпал на ее долю. Ребята, особенно мальчики, зачитывались ею, в библиотеках записывались в очередь, чтобы ее получить. «Приключения изобретений» перевели на множество иностранных языков.

Не только прошлое изобретений интересовало Александра Ивича. Он вообще увлекался техникой, много ездил по заводам и стройкам Урала, Сибири, писал о них очерки для газет и журналов, в том числе и для детских.

В июне 1941 года началась Великая Отечественная война. С первого дня Александр Ивич – военный корреспондент в действующих частях морской авиации Черноморского флота. Теперь герои его очерков – летчики. Вместе с ними он участвует в боевых вылетах на передовую линию, в тыл врага, в разведку, на бомбежки. Полгода проводит в осажденном вражескими войсками Севастополе, участвует в обороне Кавказа и в освобождении Крыма. Во время войны и о войне написаны им кроме ста с лишним очерков и корреспонденций для газет три книги для взрослых, а для детей – книга о летчиках «Июньское небо». До конца дней писатель хранил дорогие для него воспоминания об отважных людях, которые были его фронтовыми товарищами, и гордился своими боевыми наградами.

Война окончилась, но мирная жизнь восстанавливалась долго и трудно. Может быть, именно по этой причине Александр Ивич после войны задумал и начал вести на радио передачи для ребят младшего возраста «Рассказы о простых вещах». Впоследствии они вошли в книжки, названия которых говорят сами за себя: «Твое утро», «Твой завтрак», «Твоя одежда».

К литературе для детей Александр Ивич относился крайне серьезно, считал ее важнейшей частью великой русской литературы. О том, какой должна быть по-настоящему хорошая детская книга, размышлял в своих статьях, этому посвятил книгу «Воспитание поколений».

«Художник механических дел» – одно из лучших произведений, написанных Александром Ивичем, – знакомит читателя с замечательным человеком, подобного которому, пожалуй, не было в истории. Иван Петрович Кулибин, который жил в конце XVIII – начале XIX века, был из тех людей, кого называют «самородками». Как находка слитка чистого золота – счастливый случай для золотоискателя, так и рождение гения в простой семье – драгоценный дар для страны, для ее настоящего и будущего.

Однако жизнь самородка редко бывает легка и покойна. Талант требует от него ежедневной работы, заставляет искать нехоженые тропы, совершенствоваться, ставить перед собой задачи все более сложные, добиваться успеха и признания. И, что всего труднее, постоянно бороться с искушением забыть о своем даре, похоронить его, стать как все, жить как все: тихо и смиренно, не создавая нового, не доказывая своей правоты. Гению и в наши дни не сладко приходится, а в старое время, в непросвещенной России, совсем было невозможно.

Мы встречаем юного Ивана Кулибина в лавке его отца, где он томится, откуда норовит сбежать, потому что знает: не быть ему никогда торговцем. Его тянет к мастерам-умельцам:

учиться у них, а иной раз, к удивлению старших, и их чему-нибудь научить. Он постигает секреты хитрых механизмов, поначалу старается повторить чужие успехи, позднее дерзает создавать чудеса сам. Нет у него наставника, нет книг, нет советчиков, нет ему равных – только острый глаз, цепкая память, яркое воображение да терпение и прилежание, без которых вся твоя одаренность гроша ломаного не стоит.

Автор ведет нас, как по лесенке вверх, вослед работам Ивана Кулибина, все более затейливым и необычным. От игрушечной мельнички к сочленению сложнейших механизмов – часового, музыкального и управляющего театральным действием, внутри овала чуть больше утиного яйца, – к конструированию научных приборов, к проекту висячего моста через Неву, двигателя для самоходного судна и другим грандиозным планам. Вместе с ним мы отправляемся в столицу империи, вместе с ним возвращаемся на волжские берега. С грустью прощаемся с ним на последней странице.

Чтобы написать историческое повествование, автор должен мысленно уйти из своего времени и переселиться в прошлое. Для этого требуется читать старинные книги, работать в архивах, изучая документы прошлых веков, овладеть тем русским языком, на котором говорили 150–200 лет тому назад.

Не один год потратил Александр Ивич, собирая материалы об Иване Кулибине в Нижнем Новгороде, в Санкт-Петербурге. В результате его книга рассказывает больше чем историю жизни художника механических дел: она передает дух эпохи.

Ты найдешь в повести широкую картину России на рубеже XVIII–XIX веков: побываешь в лавке купца, в доме мастерового, в архиерейских палатах, в петербургской кунсткамере, в Академии наук, в императорском дворце. Повстречаешь людей всех слоев общества, услышишь, как они говорили, узнаешь об их обычаях. Но самое главное – познакомишься с человеком, который всегда и везде был верен себе, своим представлениям о том, что важно в жизни, в чем заключается его долг перед людьми, перед собой и своим исключительным дарованием.

Жизнь писателя Александра Ивича пришлась на жестокое время: террор, война, несправедливые обвинения и незаслуженные гонения выпали на его долю. Близкие ему люди гибли в тюрьмах и на войне, любимые книги запрещались правителями. Писать честно и открыто о том, что тебя окружает, делалось все труднее и стало в конце концов невозможно. Чтобы не кривить душой и не допускать лжи в свои произведения, во вторую половину жизни автор предпочитал писать только о прошлом. Девизом его было: в любых обстоятельствах жить достойно, не изменять своим понятиям о чести.

Александр Ивич скончался в Москве в 1978 году. Он прожил трудную жизнь – и прожил ее достойно.

Софья Богатырева

Кукушка

Невысокий лобастый юноша стоял, прислонившись к дверям лавки, и скучливо поглядывал на прохожих.

Петр Кулибин кивнул на него и зашептал:

– Сын-то, Иван, часу в лавке не усидит. Бегаёт от дела, как от черта рогатого. Беда!

Оглаживая бороду, покупатель сочувственно покачал головой и затеял степенный разговор о нижегородских новостях.

Приезд в Макарьев на ярмарку нынче ожидается большой. Слышно, с Кяхты, от китайских границ, идут богатые караваны, и чай будет дешев. Сибирские купцы везут мягкой рухляди¹ – белок, куниц, соболей – против прошлых лет не в пример больше. Из-за Каспия ждут цветастые шали новых рисунков. Тянут бурлаки вверх по Волге, к Макарьеву, расшивы² с солью и рыбой в неисчислимом множестве. А хлеба будет не пышно: летошний урожай засуха съела.

Тут Петр Кулибин повеселел: цена на хлеб станет крепкая, а у него амбар полон. Однако радость показывать негоже. Стал жаловаться:

– До Макарьева недалече – семьдесят верст, да едут иногородние, минуя Нижний. Путь от Москвы никудышный – непроезжий бор да болота невылазные. В неделю едва доберешься. Ярославль, Казань богатеют, каменными палатами обстраиваются, а Нижний за полвека, почитай, и вовсе не вырос.

Иван у дверей переминается с ноги на ногу. Нет конца ленивому разговору! Все медлит покупатель, не снимает перекинутый за спину пустой мешок. Как отец отвернется к ларю муку насыпать, быстрыми ногами можно за угол.

...На бурлацком базаре нынче людно. Весна! Сбившись артелями, бурлаки калякают, поджидая купцов, песни поют. А то режут ножом из чурок затейливые фигуры. Ходит Иван от артели к артели улыбчив и весел. Там сказку скажет, там певцам подтянет, а между тем

¹ Р у х л я д ь – пушной товар (здесь и далее сноски *ред.*).

² Р а с ш и в а – большое деревянное парусное судно.

зорким оком поглядывает на мастеров, что фигуры режут, на руки их умелые. Учится сноровке в работе простым инструментом – топором да острым ножом.

Купцы, владельцы судов, высматривают, в какой артели подобрались мужики поздоро-вее. Справляются, кто пойдет шишкой – передовым. Тут нужна сила знатная. Шишка, завидя купца, выпатит грудь и начнет, будто от безделья, вязать узлом толстый железный прут.

Рядятся на путину³ с божбой и проклятиями. Да прижимисты купцы: полушки⁴ не вытор-гуешь.

Ударив по рукам, идут в судовую расправу⁵ писать кормежную запись. В записи строгий наказ: вести судно, не просыпая утренних и вечерних зорь, без лености, притворной хвори и ни в какое своеволие не вдаваясь.

На небогатый задаток шли всей артелью покупать деревянные ложки знаменитых семе-новских мастеров – резали они из баклуши⁶ добрую ложку вмиг, до ста сосчитать не успеешь. Ложки совали бурлаки за ленты валяных шляп – знак, что подрядились на путину. Потом поку-пали табак. Его вешали в мешочках на груди, чтобы не подмок, когда тянешь бечеву, шагая по воде. А напоследок сворачивали в трактир – «мочить ляжку».

Иван по дружбе ходил с бурлаками по лавкам, а у входа в кабак прощался – к вину был не приучен. И бежал к затону смотреть на строение судов – простых несмоленных белян для сплава леса да просторных парусных расшив, с кормой острой, как нос, и плоским днищем. Тут, у строения судов, не одни плотники трудятся – и знатные кузнецы, и слесарных дел мастера.

В затонах скоро привыкли к Ивану, полюбили его. Глаза у юноши светлые, радостные. Речь складная. Сам доверчив – и люди к нему с открытой душой. Не прятали от него секретов доброго мастерства. А их надлежало беречь. Дорого мастерство, пока редко: многие постигнут секреты – цену мастерам собьют.

Бывало, Иван, приглядевшись, берет у мастера инструмент, показывает:

– Это и ловчей можно сработать, меньше труда положить.

Откуда у мальчика соображение берется? Дело ведь говорит, и без лишнего задору, с весе-лой улыбкой. Учиться-то учиться, а иной раз и сам мастера научит.

Но заветное для Ивана место было над Окой. Стояла там на высоком месте нарядная церковь. И ходил к ней Иван каждодневно. Глядел вверх, на большие часы с циферблатами, обращенными на все четыре страны света. Кроме времени дня они показывали фазы луны и движение планет. Далеко по городу разносились громкий бой и мелодичная музыка курантов.

Сторож пускал Ивана на колокольню. Приоткрыв тяжелую железную дверь, юноша взби-рался по крутым кирпичным ступеням витой лестницы. Взлетали, шурша крыльями, голуби, свившие гнезда в глубоких нишах.

Далеко с колокольни видно. Внизу Ока с Волгой сливаются, у пристаней на окских ост-ровах крохотные человечки несут, согнувшись, мешки – грузят расшивы. А за Волгой – поля без края, полоска леса синее, видны ближние деревни.

И на всю ту красоту Иван не смотрит. Она привычна: с края оврага, у родного дома, тот же вид. Закинув голову, вглядывается он в устройство часов. Мерно вращается великое мно-жество колес – иные крутятся побыстрее, у иных еле заметен ход. А есть и такие, что весь час неподвижны, просыпаются только для боя. Можно различить – механизмов несколько. Один движет стрелки часов, другой управляет планетным календарем. Для боя и музыки механизмы особые. А как они сочленены – не разглядеть.

³ Пути́на – сезон промыслового рыболовства.

⁴ Полúшкa – старинная медная монета достоинством в четверть копейки.

⁵ Расп́рава – суд, разбирательства.

⁶ Баклу́ша – обрубок древесины, обработанный для выделки различных предметов.

Спускался Иван с колокольни в густых сумерках. И казалось, что громким, торжественным боем вещали часы: тайна наша крепкая, не постичь ее. Важно помолчав пятнадцать минут, часы заливались громким смехом колокольчиков – где тебе, где тебе! – словно весь город над Иваном смеется.

Идет Иван не домой – к соседу. С молодым купцом Микулиным он дружен издавна, с тех пор как строил плотнику.

Это было хитрое дело. Дом Кулибиных стоял над оврагом. Весной в овраге вода, к лету остается топь. Ни пруд, ни суша, а так – лягушачий рай.

По склону оврага, от родников, стекают ручейки, затейливо выются. И куда стекают, там топко.

Затеял Иван строение. Вырыл по склону оврага канаву, а на ручьях сложил плотники из камней и земли. Аккуратно сложил, каждую щель обмазал глиной, чтобы не размывало. И повернули ручейки к новому руслу – к той канаве, что вырыл Иван. Слились они в один большой ручей, потекли в овраг, и вместо топи разлился по оврагу славный пруд. Вода проточная, чистая, и на второй год рыба завелась. Старики с Успенского съезда и мальчишки всей округи приходили с удочками.

По окрестным кварталам пошла слава.

– У Петра Кулибина сын не лыком шит – какой пруд построил! – поговаривали соседи.

А Микулин прибавлял:

– У плотинки-то он водяное колесо поставил да мельничку на манер игрушечной. Строил ее из простых плашек, а жернова обтесал каменные. Засыплешь зерно – мелет как взаправдашняя. Чудодей!

Умелое строение полюбилось Микулину, а пуще того полюбился строитель – ясный разумом, приветливый. Часто по вечерам беседовал он с Иваном о тайнах природы, о хитрых механических игрушках, что привозили в Макарьев на ярмарку, или о прочитанных книгах, до которых оба были охотники.

У Микулина на стене висели часы. И в них тоже тайна: механическая кукушка. Как минутная стрелка обойдет полный круг – открывается в часах дверка, выскакивает деревянная птица и кукованием объявляет время.

Набрался Иван храбрости, попросил Микулина:

– Дай ты мне, друг, на недолгое время часы. Будут сохранны – головой отвечаю.

Микулин промолчал. Вещь дорогая. У именитых купцов и то редко увидишь. Однако парень надежный – обману никто от него не видел. Как не помочь неумной его пытливости!

– Бери, Иван... – вздохнул Микулин. – Но, гляди, осторожно!

Заперся Кулибин с часами в своей каморке. Ночь не спал, затеяв опасное дело: разобрать часы, вывести тайну. Ну, как собрать не сумеет? Ну, как замрет кукушка навеки? Часовых мастеров в городе нет. Случится неладное – некому спасать. А слово дано, и зазорно его нарушить.

Первый день Иван лишь смотрел, как работает механизм. Все колесики оказались деревянными.

Второй день инструмент готовил. Сбегал к друзьям-мастеровым, достал мелкие отвертки, ножички. На третий день решился – разобрал.

И увидел: стрелки циферблата движутся от вращения колес, а колеса вращаются потому, что тянет их тяжелая гиря. Это Кулибин понял раньше, когда разглядывал механизм больших часов Рождественской церкви.

Гиря висит на шнуре, шнур намотан на барабан. Опускаясь, гиря заставляет вертеться барабан. А с ним вращается и зубчатое колесо. Надето оно на ту же ось. Выточено колесо из дуба. За зубья того колеса цепляются зубья другого. За второе цепляется третье. Большие колеса медленнее обходят круг, маленькие быстрее. Когда гиря опускается на всю длину

шнура, часы останавливаются. Тогда надо их завести ключом. Ключ вращает барабан, и шнур на него обратно наматывается.

А почему гиря не падает сразу, опускается равномерно, так, что большая стрелка обходит полный круг как раз за шестьдесят минут, а малая – за двенадцать часов? Вот где тайна. И микулинские часы раскрыли Кулибину тайну.

Над колесом висит якорек. А под якорьком качается маятник. Пойдет маятник направо – и якорек направо качнется, зацепит за зуб колесо, остановит его движение. Качнется маятник влево – и якорек туда же. Высвободит на миг колесо да сразу другим своим краем зацепит за зуб и опять остановит движение. А одно колесо остановилось, значит, и всем другим задержка. Выходит, что движутся колеса, только когда якорь их освобождает.

Якорек и маятник, размер колес да число зубьев – вот где тайна равномерного хода!

А вторая гиря час висит неподвижно, потом опускается. Она приводит в движение тот механизм, что управляет кукушкой и боем часов.

Разобрал-таки Иван Кулибин часы, постиг их тайну.

Все части вымерил, зарисовал в натуральную величину, на каждом колесе зубья сосчитал.

И в тот день была вторая победа: сумел собрать часы!

Снова исправно выскакивает кукушка и кукует в парадной горнице микулинского дома.

А Иван Кулибин в своей каморке мастерит часы с кукушкой. Инструмент у него один – острый нож. Ловко управляться с ним научился у бурлаков и у плотников при строении судов. Из сухого, крепкого дерева вырезал Иван колесики. И по размеру и по числу зубцов точно, как в микулинских часах. Гири на шнуре подвесил, маятник, якорек сделал аккуратный. Смастерил свистульку, что кукушкой кукует. И механизм особый, чтобы кукушка из дверок выскакивала.

А часы не пошли.

Думал Иван – принесет отцу труд своих рук и скажет отец доброе слово: вижу, мол, сын, не баклуши ты бил, а постиг хитрое мастерство. Ну, так быть посему, и не сидеть тебе долее в лавке, а кормиться редкостным своим художеством.

Нет, не сбылась мечта. Непригоден грубый нож для тонкой работы. А другой инструмент где взять?

Кручинится отец: уже Иван Петровичем сына величают, борода пробивается, а от дела все бегаёт. И одно непонятно: откуда парню доверие такое в купечестве? Все его знают, все его любят.

А доверие было и впрямь не по возрасту.

Думало купечество нижегородское, кого в Москву послать. Тяжба там была, затянулась, и протолкнуть некому. Микулин говорил: снарядить в Москву Ивана Кулибина. Молодые купцы соглашались. Странное дело – и старики хоть любили в человеке почтенность, зажиточность, а тут не спорили. Был Иван хорошо грамотен и, помимо разума да приветливого нрава, известен твердостью характера.

Послали его в Москву.

Первый заработок

Присутственные места, куда ходил Иван Петрович хлопотать по купеческой тяжбе, были в Кремле. От подворья, где останавливались всегда нижегородские купцы, шел Кулибин на Красную площадь вдоль Китайской стены и сворачивал на Никольскую улицу. Пройти можно бы и ближе, да стоял на Никольской заветный дом: держал там лавку часовых дел мастер Лобков, и ноги сами несли Ивана на Никольскую.

За столиком сидел мастер и чинил круглые карманные часы размером с луковицу. Часы золотые и украшены богато – самоцветными камнями да эмалевой картинкой на крышке. Они были с боем. Когда куранты Спасской башни гулко отбивали полдень, золотая луковка на столе часовщика отзывалась тихим, тоненьким звоном.

Механизма таких часов – карманных и для ношения на груди – Кулибин прежде вблизи не видал.

Были у Лобкова в починке и часы настольные, с циферблатами, вделанными посреди затейливых бронзовых либо фарфоровых фигур, и стенные, с маленькими человечками, выскакивавшими из дверок, чтобы молоточками отбивать целые часы, половины и четверти.

Лобков не запрещал юноше смотреть свою работу и на учтивые его вопросы отвечал без лишней гордости. Кулибин ходил к мастеру всякий день – то по пути к присутственным местам, то возвращаясь к себе на подворье. Подолгу стаивал за спиной часового мастера, вглядываясь...

А накануне отъезда, приведя тяжбу в ясность, зашел к Лобкову и спросил, не продаст ли ему мастер инструмент для делания и починки часов: машинку, чтобы резать колеса, малый токарный станочек да мелкий инструмент.

Продать Лобков согласился, однако цена была высокая – у Кулибина денег не хватило.

В углу, где сложен был старый хлам, увидел он колесную машину и лучковый станок неисправные. Попросил продать по сходной цене. Мастер удивился: незавидная будет покупка. Впрочем, не спорил. Мелкий инструмент дал в придачу, не дорожась. И с теми покупками вернулся Кулибин домой, в Нижний Новгород.

Станочки Иван Петрович починил сам и, отчитавшись перед купечеством, как тяжбу в Москве с места тронул, сел вытачивать заново колеса для часов с кукушкой. Резал осторожно, до тонкости блюдя размеры, снятые с микулинских часов. Работа была радостна: якорек удался на славу, в колесиках не было прежней грубости.

И когда Кулибин, собрав часы, осторожно тронул маятник – часы пошли. Он ощутил не радость – испуг. Неужто своими руками сотворил это чудо? Живут часы сами по себе, мерно тикают – час, другой, третий. До рассвета Иван Петрович смотрел, вслушивался, думал.

Работы еще было много. Собрал деревянный корпус, сделал механизм для кукования. Кукушку Кулибин не сумел выточить. Помог знакомый мастер. И вот уже выскакивает птица из дверки каждый час и кукует немного сипло, словно простуженная. Свистульку пришлось исправить, чтобы не хрипела.

Часы повесили на стену в зале.

Приходили поглядеть соседи, знакомые. Отцу было лестно.

Один купец спросил Ивана:

– Не продашь ли диковинку?

– Чего ж не продать – бери, коли по душе пришлась.

Так первые деньги заработал Иван Кулибин своим мастерством.

И сел за новые часы – другого фасона, с колесами не деревянными, а медными. Отливал те колеса знающий работник по образцам, сработанным Кулибиным вручную.

Мастер с Успенского съезда

Многое переменялось за пять лет в домике на Успенском съезде. Умер отец. Закрыта лавка в мучном ряду. Иван Петрович женился, подрастают дети.

Во многих домах, купеческих и дворянских, тикают на стенах часы работы Кулибина. У него теперь мастерская. На починку часов, стенных и карманных, на новые часы с кукушкой или иной фигурой спрос немалый, и в мастерской сидит уже ученик, тихий и прилежный паренек, по фамилии Пятерилов. Как некогда отец в своей лавке, ведет Иван Кулибин с приходящими учтивую беседу. Люди приходят не те, что в мучной ряд, – доверенные слуги, а то и сами господа с лучших нижегородских улиц. И разговор не тот: о большой политике.

Новости важные. В Санкт-Петербурге вершатся великие дела. Едва минул год, как опочила веселая царица Елисавета Петровна, и на престол российский вступил император Петр Третий. Да недолго царствовал.

Нужды российские у него в небрежении были. И глядь – нет царя. Взбунтовалась в столице гвардия, супругу императора, Екатерину Алексеевну, возвела на престол. Было то в прошедшем тысяча семьсот шестьдесят втором году. Новые люди в силе при дворе. Новым духом веет. А что сей дух означает – пока неведомо.

Слушает Кулибин, перебирает на рабочем столе колесики, маятники, винты. Склонив голову, трудится над починкой малых луковичных часов Пятерилов.

Столичные дела отменно любопытны, но далеки. А здесь, в Нижнем, не веет новым духом. По старинке идет жизнь. И в мастерской все то же. Надоели кукушки, надоели часы карманные с нехитрыми курантами. Всю работу с ними Кулибин уже наизусть знает. Скучно! Руки большого дела просят, гордые мысли бродят в голове.

Ночью снились орлы. С поднебесья на окошко слетали, словно голуби. К чему бы сие?

На старых игральных картах – другой подходящей бумаги не было – чертит Кулибин острым циркулем колеса, замысловато сопряженные. Пятерилов заглядывает через плечо – не понять. Колесики и прочие части на удивление мелки. Одни чертежи Кулибин вырезает, складывает в стопку, другие рвет и сердито кидает под стол.

Посетителями вовсе перестал заниматься. Все починки отдал Пятерилову – помощник старательный и понятливый, с годами все тонкости превзойдет. А особо трудные починки Иван Петрович отложил – недосуг.

Терпят заказчики: как быть – на весь город один мастер. Прежде и мелкую починку в Москву слали. А нынче Кулибин самую хитрую механику в ход приводит. Да вот беда – строптив. Где это видано, чтобы мастер главным по губернии помещикам да богатым купцам без всякой учтивости говорил: «Сроку починки сказать не берусь – нынче недосуг. А не угодно ждате – будьте милостивы, дозвольте обратно часы доставить».

От такого нерадения для дома убыток – в том, в другом пошли недостатки. У Ивана Петровича глаза стали суровые, словно кругом ничего не видят, и прежней ласки детям он не оказывает. Нередко среди ночи встанет, вздует огонь и чертит. А то и просто ходит по спальне – думает, бормочет.

Вздыхает жена – славно жилось после случая с губернаторскими часами. Народ в доме толпился допоздна. Один из ворот, другой в ворота. Важные бары в колясках приезжали. То с часами в починку, то так, полюбопытствовать. За работу золотом платили.

А случай, с которого про Кулибина первая слава пошла по городу, был занятный. У губернатора, господина Аршеневского, сломались часы весьма хитрого устройства, с музыкой. Приказал губернатор до времени снести часы в кладовую, а как поедет в Петербург – положить в карету. Там, в столице, починят. Губернаторский камердинер о Кулибине был наслышан и просил позволения снести ему часы в починку. Губернатору показалось смешным – где же в

Нижнем Новгороде иноземные часы чинить?! Он и внимания на те слова не обратил. Однако слуга самовольно достал часы из кладовки и отнес Ивану Петровичу.

Починил их мастер без особого труда, и однажды за кофеем услышал губернатор знакомую мелодию. Что за чудо? Пошел взглянуть. Куранты тихим звоном бьют четверти и половины, а в полный час играют арию.

Позвал губернатор слугу; тот за самовольство прощения просит.

Губернатор доволен: знатный мастер объявился в городе. Он призвал к себе Кулибина, обласкал его и нижегородским барам с похвалой говаривал о мастере. Вот тогда и пошли Кулибину богатые заказы.

А задумчив стал Иван Петрович с последней Макарьевской ярмарки. Привозил туда некий француз куклу и показывал в балагане. То была женщина в натуральный рост. Перед ней стоял клавесин, и кукла на том клавесине играла подряд десять пьес.

К осмотру механизма француз Кулибина не допустил. Впрочем, понять было нетрудно, что устроена музыкальная машина на манер часов с курантами.

Были на той ярмарке в ювелирном ряду и затейливые часы. Невелики – чуть побольше луковки. Как часам время бить, выходят фигурки с ноготь ростом и под тихую музыку пляшут модный танец менуэт.

С той поры неотступно мечтал Иван Кулибин о большом художестве: смастерить часы, каких и в столице не видано. Часы те Кулибин придумал в полном секрете. И главные части начертил с превеликим тщанием.

Однако...

Части немислимо мелкие. Для них надобен инструмент особый, тонкий, и уже то дело непростое.

На работу, ежели прочие занятия вовсе оставить, два года пойдет, самое малое.

Замысел орлиный.

А чем два года кормиться – ума не приложишь.

Часы яичной фигуры

В сумерках зашел в мастерскую старый знакомец, купец Костромин. Еще отца знал по мучному делу. И на детское мастерство Ивана, на мельницы его да запруды, глядел с интересом, без обидного смеха. А недавно часы принес чинить – с кукушкой. Расспрашивал о часах новой моды – в перстень вделанных. Вся механика – в футляре менее медного гроша. Экая хитрость!

Не мертво живет купец Костромин. Любит науку и доброе мастерство. Глядит на Кулибина с лаской:

– Что печален, Иван Петрович?

Мастер снял со стены часы Костромина.

– Кукушка в исправности. Извольте получить, Михаил Андреевич. И то последняя кукушка, мною чиненная! – сердито прибавил он. – Толикое множество их в исправность привел, что более на кукушек и смотреть неохота. А печален я от заботы.

– Велика ли забота?

Сам на себя Иван Петрович дивится: в тайне от всех держал свои мысли, а тут решил поведать о мечте – то ли с ласкового взгляда Костромина, то ли с разговора о часах в перстне. Первая кукушка, микулинская, счастье принесла. Авось и последняя...

– Долог будет рассказ.

Костромин сел – готов, мол, слушать.

Иван Петрович достал из потайного места крохотные фигурки и поставил на стол.

– Сии фигурки для театрального действия леплены из воска, а буду лить оные из серебра. Действо фигур механическое. Сопровождает его музыка на манер часовых курантов. Вся эта хитрость мною обдумана с полным тщанием.

Кулибин разбросал по столу сотни нарезанных из игральных карт замысловатых колесиков, шестеренок, штифтов.

– Частей потребно много сотен – литых, резаных и на станке точенных.

– А почему фигуры размером столь мизерны? – любопытствовал Костромин.

– Тому причина важная. Весь механический театр помещу в часы чуть поболее утиного яйца. С одной стороны того яйца циферблат, а с другой – театральное действие ежечасное, при музыке курантов. Такого художества и в граде столичном не видано. А по описаниям иноземных чудес в «Санкт-Петербургских ведомостях» усмотреть изволите, что ныне фигуры механические особо модны. Однако, полагаю, подобного механического театра в малых часах и вовсе на свете нет. Припасов же на те часы и на всю механику, хоть размером она и мала, надобно превеликое множество. А цена на припасы высокая. То моя первая печаль. Труда положить надобно более двух годов. И то моя вторая печаль. Чем семейство буду кормить?

Услыхав, что подобного художества в столице не видано, Костромин вскинул голову и стал в нетерпении перебирать пальцами.

– А много ли, полагаешь ты, Иван Петрович, на работу потребно издержек?

– Сосчитано. Припасов, да мастерам за поделки, да подручному плату, да в содержание мое и семейства считаю рублей до тысячи надобно.

– Деньги немалые!

– Кабы малые, так и забота была бы невелика. Впрочем, не только в столице – в Макарье, на ярмарке, не поспусят и много более тысячи заплатить за такую диковину.

– Не о прибыли разговор. Слушай, Иван Петрович. Ты на важную мысль меня навел. Ведом мне секрет: собирается императрица объезжать свои земли. И будет в Нижнем Новгороде. Срок же до прибытия царицы, отписывали господину губернатору, два года. И согласен я до тысячи рублей издержать, чтобы диковинный театр поднести государыне. – Помолчав,

прибавил: – Славы же твоей прятать не намерен, и подношение будет совместное. Твердо ли веришь в удачу отважной твоей мечты или в сомнении к делу приступишь?

Иван Петрович ответил не сразу. Большой груз – дать нерушимое слово. Сомнений у него не было, хоть замысел и не в пример мудренее прежних.

– Мастерство мое ныне изрядное, не хвалясь скажу. И просят руки большой работы. За дело берусь без сомнения, а прочее все в воле Божией.

И пошел по комнате звон – на разные голоса били куранты всех развешанных в мастерской часов. Одни играли затейливую мелодию, другие тявкали на манер малой собачки, заливались колокольчики, гудели басы, и выскочила из дверки кукушка.

Накуковала удачу кукушка!

В тетради для важных замет Кулибин записал: «Октября 18 дня 1764 года зачаты делать часы яичной фигуры».

Труды в сельце Подновье

Надобно чугуна, олова, серебра, меди красной да зеленой. Искать оказию – красок в Москве купить. Форму для тиснения колес и машину шлифовальную. Свечей поболее – дело к зиме идет, день короток. Собирает Петр Кулибин припасы для часов...

Работал мастер с великим усердием, сну уделял самое малое время. От мелкой работы – иные части были с булавочную головку – начинало рябить в глазах. Тогда брал гусли, играл чувствительные песни. Иной раз и сам песни складывал.

Более года готовил Кулибин инструмент для делания частей и самые части. Счетом же частей было четыреста двадцать семь. Однако впереди самое трудное: сочленение частей. Кулибин совсем закрыл мастерскую и перебрался с Пятериковым в просторный дом Костромина – в сельцо Подновье, на волжском берегу. Спустя полгода и семью туда взял – вместе жить способнее, да и на кошт⁷ меньше потратишься. Свой дом до времени заколотил.

В соединении же частей были огромные трудности. Законы механические Иван Петрович изучал. Однако для ясного их понимания, для приложения к делу потребны были обширные знания. Кулибину их не хватало. Не раз закрывал он, огорченный, Вольфианскую экспериментальную физику, переведенную Михайлой Ломоносовым на российский язык. Многие было темно без знаний математических.

Читал Иван Петрович и «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин». Тоже многое осталось неясным. Помогли описания разных часов, помещаемые иногда в «Прибавлениях» к «Санкт-Петербургским ведомостям». Но часы столь хитрые нигде не описаны. Надо полагать, что подобных и не видано.

В бесчисленных пробах и непрестанных размышлениях искал Кулибин верный путь.

Три механизма было в его часах, как в башенных на Рождественской церкви. Однако механизмы куда как сложнее. В работе над самими часами ничего особо трудного для Кулибина не было. Только аккуратности, внимания надобно много – с великой точностью вытачивать и резать мелкие части.

⁷ К о ш т – содержание, пропитание, иждивение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.